
СЛОВО МОЛОДОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-5

УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович

научный сотрудник, научно-исследовательский экономический институт

Министерства экономики Республики Беларусь

Брест, Белорусь

alexdarkovich@mail.ru

Поддержание санитарии и благоустройство в городах на западнобелорусских землях (1919–1939 гг.)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы санитарного состояния западнобелорусских городов на протяжении межвоенного периода, а также усилия органов городского самоуправления и государственной администрации по поднятию их уровня благоустройства. На основе архивных материалов проанализированы основные факторы, не позволившие преодолеть критически низкий уровень гигиены и санитарии: финансовые трудности местных органов власти, недооценка вопросов санитарии муниципальными служащими, пренебрежение нормами гигиены со стороны жителей.

Ключевые слова: санитария, благоустройство, городское самоуправление, западнобелорусский регион

Введение

Белорусские земли, доставшиеся Российской империи в конце XVIII века в результате разделов Речи Посполитой, в период Первой мировой и последовавшей за ней польско-советской войны стали ареной масштабных военно-политических потрясений. В 1915 г. их западная часть до линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск была оккупирована германскими войсками. После окончания Первой мировой войны и вывода германских войск дальнейшая судьба белорусских земель решалась в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг., по итогам которой их западная часть до линии р. Западная Двина – Молодечно – Столбцы – Несвиж – р. Случь отошла к Польше. Западнобелорусский регион оставался в пределах Польского государства до 1939 г., когда после начала Второй мировой войны он был включен в состав БССР.

Белорусские земли в составе межвоенной Польши, так же как и ранее в пределах Российской империи, являлись отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. Более того, военные разрушения в период немецкой оккупации 1915–1918 гг., а затем польско-советской войны опустошили край, усугубив сложившуюся в предыдущие периоды общую хозяйственную отсталость. За эти годы промышленность почти полностью перестала существовать, упадок сельского хозяйства в период военных действий между Польшей и Россией привел к голоду в городах. Критическое положение городов региона, а именно: запущенное санитарное состояние, низкий уровень благоустройства, многочисленные проблемы в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения, отсталое коммунальное хозяйство, – ставили перед местными органами власти непростые задачи.

Настоящая статья посвящена изучению санитарного состояния и благоустройства в западнобелорусских городах на протяжении межвоенного времени. Данная тема является малоизученной и в историографии фактически не затрагивалась, хотя существует определенная традиция изучения санитарного состояния европейских¹, американских² и российских³ городов в Новое время. Данные работы были полезны, прежде всего, в методологическом отношении.

---

¹ *Barles S.* Urban metabolism and river systems: an historical perspective – Paris and the Seine, 1790–1970 // *Hydrology and Earth System Sciences*. 2007. № 11. Pp. 1757–1769; *Brimblecombe P., Bowler C.* Air Pollution in York 1850–1900 // *The Silent countdown: essays in European environmental history*, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 182–195; *Brimblecombe P., Bowler C.* The Difficulties of Abating Smoke in late Victorian York // *Atmospheric Environment*. 1990. Vol. 24B. № 1. Pp. 49–55; *Bruggemeier F.-J.* The Ruhr Basin 1850–1980: A Case of Large-Scale Environmental Pollution // *The Silent countdown: essays in European environmental history*, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 210–230; *Di-ederiks H., Jeurgens C.* Environmental Policy in 19th-Century Leyden // *The Silent countdown: essays in European environmental history*, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 167–181; *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // *Ecological Economics*. 2002. № 41. Pp. 235–255; *Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries / ed. by C. Bernhardt.* Münster, 2001; *Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe / ed. by D. Schott, B. Luckin, G. Massard-Guilbaud.* Aldershot, 2005; *Schramm E.* Experts in the Smelter Smoke Debate // *The Silent countdown: essays in European environmental history*, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York, 1990. Pp. 196–209.

² *Cronon W.* *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West.* NY, London, 1991; *Melosi M.V.* The Place of the City in Environmental History // *Environmental History Review*. 1993. Vol. 17. № 1. Pp. 1–23; *Melosi M.V.* The Urban Physical Environment and the Historian: Prospects for Research, Teaching and Public Policy // *Journal of American Culture*. 1980. Vol. 3. № 3. P. 526–540; *Melosi M.V.* *Garbage in the Cities: Refuse, Reform, and the Environment.* Pittsburgh, 2005; *Tarr J.A.* The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh // *Journal of Urban History*. 2002. Vol. 28. № 5. Pp. 511–545.

³ *Friedgut Theodore H.* *Iuzovka and revolution. Vol. 1: Life and work in Russia's Donbass, 1869–1924.* Princeton, 1989; *Friedgut Theodore H.* *Iuzovka and revolution. Vol. 2: Politics and Revolution in Russia's Donbass, 1869–1924.* Princeton, 1989.

Основная часть

Основная часть обязанностей по благоустройству городов и поддержанию санитарии лежала на органах городского самоуправления, которые были образованы в 1919 г. сразу же после оккупации западнобелорусских земель польскими войсками. В частности, к их компетенции относилось мощение улиц и содержание их в чистоте, строительство общественных колодцев, туалетов, мусорных урн, организация ассенизационных служб и др. Одновременно многие задачи в этой сфере были закреплены за самими жителями, которые были обязаны не только содержать в чистоте собственные дома и дворы, но и своими силами вести строительство тротуаров на прилегающих улицах, подметать их, безвозмездно участвовать в мощении дорог методом шарварка (натуральная дорожная повинность) и др.

В западнобелорусских городах специальных санитарных служб за редким исключением не было. Обычно контроль за исполнением гигиенических норм возлагался на поветовых врачей, состоявших на балансе поветового самоуправления либо государственной администрации, и органы полиции. Городских врачей и санитарных контролеров содержали лишь несколько крупных городов региона.

В 1921 г. Союзом польских городов было проведено анкетирование на предмет выяснения санитарного состояния городов. В нем приняли участие 256 городов Польши, в том числе 13 городов Новогрудского и Полесского воеводств⁴. Как отмечал организатор этого исследования Ю. Поляк, оно отразило значительную разницу между регионами Польши, до Первой мировой войны входившими в состав различных государств, тогда как санитарное состояние городов в пределах отдельных регионов отличалось поразительным сходством. На фоне слабого развития благоустроенности городов Польши в целом проявилось серьезное отставание западнобелорусских городов практически по всем позициям. В 4 из них (31 %) замощенных улиц не было вообще, в 7 (54 %) качество дорожных покрытий Поляк определил как «плохое», в 2 (15 %) – как «среднее», мощение по улучшенным технологиям здесь не велось. В целом по Польше соответствующие цифры составляли 6, 44, 34 и 16 %. Под «средним» уровнем понималась ситуация, когда в городе имелись деревянные тротуары и все или большая часть улиц были выложены полевым камнем, что уже в то время считалось отсталой технологией; «плохой» уровень означал, что таким

---

⁴ Под западнобелорусскими землями понимаются территории современной Республики Беларусь, которые в 1920–1930-е гг. входили в состав Польского государства. В административно-территориальном отношении они охватывали Новогрудское воеводство, большую часть Полесского воеводства (с центром в г. Бресте), а также 6 поветов Виленского воеводства (Браславский, Вилейский, Дисненский, Молодечненский, Ошмянский и Поставский) и 2 повета Белостокского (Гродненский и Волковысский).

образом была вымощена лишь часть улиц. Водоснабжение во всех западнобелорусских городах было обозначено как «плохое», что означало отсутствие здесь не только водопроводов, но и трубчатых колодцев, вода в имевшихся шахтных колодцах часто была не пригодна для питья. Всего в Польше 58 % городов также имели «плохое» снабжение водой, в 24 % были трубчатые колодцы, в 18 % водопроводы. Примитивно организованные городские ассенизационные службы действовали только в более крупных городах западнобелорусского региона: нечистоты сливались в специальные бочки и на телегах вывозились за пределы города. В небольших городах служб ассенизации не было. Городских служб вывоза мусора не было ни в одном западнобелорусском городе. В восьми городах (62 %) уличного освещения либо не было вовсе, либо оно представляло собой редкую сеть керосиновых ламп, в пяти (38 %) имелось электрическое освещение, «крайне скудное», по мнению Поляка. Газового освещения не было ни в одном городе. Соответствующие средние цифры по Польше составляли 46, 39 и 15 %. Общественные бани действовали лишь в двух западнобелорусских городах (16 % по сравнению с 40 % в среднем по Польше). По свидетельству Поляка, города восточных воеводств были полностью лишены озеленения. Больницы действовали в менее, чем в третьей части городов, ни в одном из них не было отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям школьных помещений, скотобоев⁵.

Несмотря на многочисленные неотложные нужды, эффективные меры по поднятию санитарного положения в большинстве западнобелорусских городов стали предприниматься далеко не сразу. При этом финансовые затруднения муниципальных органов в первой половине 1920-х гг. были не единственной причиной, по которой запаздывали реальные действия городских сообществ по улучшению собственных условий жизни. Среди многочисленных препятствий в результативной работе местных властей на первое место часто выходил низкий уровень бытовой, гигиенической культуры городских жителей, отсутствие среди них понимания необходимости следования санитарно-гигиеническим предписаниям. Недооценка значения вопросов благоустройства и санитарии во многих случаях была характерна и для муниципальных деятелей. Их безответственность и некомпетентность на фоне межпартийных и межнациональных противостояний внутри городских органов нередко становились основной причиной полного бездействия городского самоуправления в этой сфере.

В целом на протяжении первой половины – середины 1920-х гг. ситуация оставалась без значимых изменений. Например, отчеты поветовых врачей о са-

⁵ *Polak J. Stan higieniczny miast polskich // Samorząd miejski. 1924. T. 3. Pp. 78–86.*

нитарном состоянии поветов Полесского воеводства⁶ за 1926 г. повсеместно рисуют мрачную картину неблагоустроенности городов. Потребность в воде обеспечивалась с помощью деревянных шахтных колодцев или прилегающих водоемов, трубчатые колодцы в городах исчислялись единицами. Используемая жителями вода, как правило, была непригодна для питья, что чаще всего было связано с загрязнением нечистотами, проникавшими через землю. Города, застройка которых носила преимущественно сельский характер, не содержались в чистоте. То же касалось частных домов и приусадебных участков. Из-за отсутствия урн мусор обычно скапливался во дворах или хозяйственных постройках. Канализации не было ни в одном городе, частные туалеты во дворах были только в Бресте. Жители, как правило, довольствовались выгребными ямами, стены и дно которых ничем не были выложены, а их содержимое не вывозилось и не дезинфицировалось, что вело к загрязнению почвы нечистотами. Столинский поветовый староста в отчете за 1926 г. отмечал: «Борьбу с антисанитарным состоянием дворов в городах затрудняет всеобщая нечистоплотность населения, особенно еврейского. Составление протокола чаще всего не помогает из-за низкого административного штрафа – 1–3 злотых. Владелец двора считает более удобным для себя иногда заплатить пару злотых штрафа, чем постоянно содержать двор в чистоте. Санитарные комиссии на территории всего повета были созданы, но редко проявляли свою деятельность, что объясняется пренебрежением санитарными делами со стороны органов самоуправления»⁷. В большинстве городов в общественных местах, в первую очередь рынках, не было туалетов и урн, что вело к загрязнению близлежащих частных владений. Большая часть городских дорог оставалась немощеной, из-за отсутствия или непригодности сточных канав на многих участках улиц образовывались большие лужи с грязной водой, куда жители прилегающих домов сливали отходы и нечистоты.

Многие горожане занимались скотоводством, что также отражалось на гигиене улиц. К примеру, как следует из годового отчета поветового коммунального союза Коссовского повета за 1926 г., центральные улицы в Коссово и Ружанах в теплое время года были постоянно загрязнены навозом от ежедневно перегоняемого через них скота⁸. Отмечалось недостаточное количество бань, в основном не отвечавших санитарным требованиям. Большинство из них пред-

---

⁶ В административном отношении территория Польши делилась на воеводства, воеводства состояли из поветов, поветы из гмин. Во главе государственной администрации воеводского уровня стоял воевода, поветовую администрацию возглавлял староста. Гмины – административно-территориальные единицы первичного уровня – делились на городские и сельские.

⁷ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 67. Л. 36.

⁸ ГАБО. Оп. 4. Д. 155. Л. 8–9.

ставляли собой миквы – еврейские ритуальные бани, практически не посещавшиеся христианским населением.

В соответствии с отчетом начальника отдела здравоохранения НВУ З. Доманского о санитарном состоянии городов Новогрудского воеводства, представленном в 1927 г., состояние бань и микв было «настолько плачевно, что без... страха заразиться педикулезом обычному жителю трудно решиться воспользоваться их услугами». Не лучше дела обстояли в сфере ассенизации, жители в соответствии с привычным для них способом продолжали закапывать экскременты в землю в пределах своих владений. При этом городские власти не считали нужным нести какие бы то ни было расходы на организацию санитарного надзора. По свидетельству Доманского, потребовалось приложить много усилий для того, чтобы убедить коммунальных служащих в необходимости приступить к организации ассенизационных служб, благодаря давлению воеводской администрации городские власти в Барановичах и Новогрудке начали строительство новых бань, остальные города дожидались получения соответствующих кредитов⁹. По оценке гродненских властей, в конце 1920-х гг. службами ассенизации вывозилось за пределы города не более 25 % нечистот, остальное оставалось в городской черте, приводя к загрязнению почвы и воздуха¹⁰.

Неблагоустроенность городов создавала прямую опасность для их жителей. В Березе полное отсутствие уличного освещения и плохое состояние тротуаров стали причиной падения бургомистра Довнара в 1928 г., приведшего к перелому руки, падение другого заметного общественного деятеля города – Кухарского – закончилось переломом ноги¹¹.

В таких условиях инициатива в деле упорядочения городов нередко исходила от государственной администрации. Вскоре после государственного переворота Ю. Пилсудского 1926 г. министром внутренних дел был назначен генерал Ф. Славой-Складковский, врач по образованию, ранее возглавлявший санитарную службу в польской армии. Придавая огромное значение вопросам гигиены, новый министр предпринял энергичные действия в направлении улучшения санитарного состояния населенных пунктов Польши. Были изданы предписания, обязавшие местные органы государственной администрации и территориального самоуправления в сжатые сроки обеспечить чистоту на улицах, рынках и частных дворах, организовать подметание улиц, их упорядочение

⁹ Государственный архив Гродненской области. Ф. 564. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

¹⁰ Kanalizacja miasta Grodno // Kronika m. Grodno. Z. 2 / pod red. R. Sawickiego. Grodno, 1928. Pp. 23–24.

¹¹ Express Poleski. 27.12.1928. № 358. P. 4.

и озеленение, обеспечить наличие в каждом частном имении сельских туалетов¹² и накрытых урн.

Инициатива центральных властей совпала по времени с улучшением хозяйственной конъюнктуры во второй половине 1920-х гг., окрепшие финансы давали самоуправлению возможность предпринять более активные действия. Но давление центральных и воеводских властей и улучшение финансовой ситуации были благоприятными, но не решающими факторами для повышения уровня благоустроенности городов, дальнейшие изменения, прежде всего, зависели от личных качеств ответственных за это людей на местах. Там, где находились компетентные и исполнительные люди, как в городском самоуправлении, так и местной государственной администрации, которые подхватывали инициативу сверху, из одинаковых исходных позиций удавалось достичь немало. В других случаях муниципальные власти, несмотря на давление сверху, не желали предпринимать активные действия, из-за их пассивности санитарная ситуация оставалась крайне неблагоприятной.

Характерная ситуация сложилась в Бресте. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства стал темой освещения в центральной польской прессе («Иллюстрированный ежедневный курьер», «Варшавская газета», «Утренний экспресс»), в связи с чем полесскому воеводе Я. Крахельскому в июне 1929 г. пришлось отчитываться о сложившейся ситуации министру внутренних дел. Воевода подтвердил запущенное состояние Бреста: «Замощена только незначительная часть улиц, тротуары были разрушены в такой степени, что по ним невозможно было ходить, дома не ремонтировались с довоенного времени или с момента их восстановления после войны, из-за чего штукатурка и карнизы отвалились, балконы грозили обвалиться, лестничные клетки были разрушены, кроме того, торчащие с военного времени руины домов грозили обрушиться, в их подвалах гнездились криминальные элементы, они служили местом вывоза всяких нечистот». По свидетельству Крахельского, планомерная акция по упорядочению города началась в 1928 г., ее проведение он поручил городским властям. Но из-за межпартийных конфликтов работа городских совета и магистрата¹³ была бесплодной, несмотря на давление со стороны воеводы, городское хозяйство оставалось в полном упадке. Это привело к роспуску Брестского совета, но вновь избранные советники также проявили

---

¹² В соответствии с требованиями, они должны были представлять собой деревянную будку над выложенной досками, кирпичами или зацементированной выгребной ямой; в народе получили название «славойки» по имени министра внутренних дел, не брезговавшего лично контролировать выполнение данных предписаний во время многочисленных поездок по стране.

¹³ Муниципальные органы были представлены городским советом и магистратом. Совет являлся распорядительным и контролирующим органом, магистрат (в 1933 г. был переименован в управление) – исполнительным органом.

полное бездействие. В итоге Крахельский возложил ответственность за санитарное состояние города на брестского поветового старосту Ф. Барана¹⁴. Для начала староста созвал в марте 1929 г. совещание с участием начальника отдела здравоохранения ПВУ Зароского, представителей магистрата, полиции и общества владельцев недвижимости в Бресте, на котором потребовал в течение трех месяцев добиться кардинального улучшения благоустроенности города. Брестский магистрат издал соответствующие указания, но жители их привычно проигнорировали, а городские власти по-прежнему не собирались ничего предпринимать. Тогда Баран, как следует из его записки, направленной полесскому воеводе в августе 1929 г., решил лично заняться благоустройством Бреста при помощи персонала староства и органов полиции. Он разделил город на 4 района, в одном из которых сам проводил инспекции домов и участков на предмет выполнения санитарных предписаний, ответственными за остальные районы были определены его заместитель Усаевич, поветовый врач Ромецкий и начальник уголовного отдела староства Палюшкевич. При этом представитель магистрата Пашковский принимал участие в инспекциях лишь в течение первых нескольких дней. Многократные инспекции каждого владения, а также репрессивные шаги в виде денежных штрафов и наказаний арестом убедили горожан в серьезности намерений старосты¹⁵. По свидетельству воеводы, уже к июню 1929 г. работа по благоустройству Бреста была выполнена на 80 %, его внешний вид серьезно изменился: в каждом владении были поставлены туалеты и урны, практически все дома отремонтированы, участки огорожены, руины домов были разобраны и т.д. При этом Крахельский утверждал, что требования старосты за небольшим исключением встречали понимание среди жителей, а карательные действия с его стороны были умеренными: из примерно 4 тыс. владельцев недвижимости за отказ заняться благоустройством своих имений 6 человек были заключены под стражу на срок до двух недель, 19 получили незначительные штрафы. Существенные штрафы в размере 100 или 200 злотых были наложены на 57 зажиточных жителей, среди которых многие являлись членами городского совета, демонстративно отказывавшимися следовать санитарным нормам¹⁶. Но со стороны ситуация выглядела иначе. Врач В. Борковский, инспектируя в мае 1929 г. учреждения здравоохранения Бреста и Пинска, стал свидетелем того, как в Бресте на праздник православной пасхи многие жители, гонимые страхом на фоне арестов за невыполнение в срок указаний по благоустройству, спешно красили заборы. При этом Борковский признал успехи в наведении порядка в городе¹⁷.

¹⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 214.

¹⁵ Там же. Л. 203.

¹⁶ Там же. Л. 215.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 1207. Л. 48.

Заметим, что для значительного улучшения благоустроенности одного из крупнейших городов региона оказалось достаточно решимости старосты, при помощи его мобилизационных методов результат был достигнут без каких-либо значительных финансовых затрат со стороны государственной или муниципальной казны. Но Брест, где местной государственной администрации в стремлении повысить благоустроенность города фактически пришлось преодолевать сопротивление городских властей, был исключением. Ситуация в большинстве случаев все же зависела от позиции муниципальных органов, их ответственности и исполнительности. В отличие от брестских магистрата и совета, в ряде западнобелорусских городов предписания государственных властей, касавшиеся вопросов санитарии и благоустройства, послушно выполнялись муниципальными органами, их усилия давали свои плоды.

Судя по рапортам местных и воеводских властей, к началу 1930-х гг. значительно улучшилось санитарное состояние городов Пружаны и Береза Пружанского повета. В соответствии с отчетом пружанского поветового врача Францишека Имелка за 1931 г., в Пружанах были замощены все дороги, в Березе – половина дорог. При всех домах были установлены туалеты и урны, дома и приусадебные участки были упорядочены и отремонтированы. Пружаны отличались интенсивным озеленением, уличные деревья ежегодно подстригались и белились. Пружанский магистрат в 1930 г. построил 9 шахтных колодцев с насосами¹⁸. В отчете пружанского староства за первое полугодие 1931 г. указывалось, что «вид городов (Пружан и Березы. – *А.Д.*) в целом хороший, везде видны усилия по озеленению, улицы и городские площади хорошо и вовремя подметаются и чистятся»¹⁹. Поветовый староста Р. Валевский улучшение санитарного состояния повета в первую очередь приписывал «исключительной старательности и ответственности» Имелка, которого в 1929 г. представил к серебряному кресту за заслуги. Также Валевский предложил полесскому воеводе выразить письменную благодарность бургомистру Березы Яну Довнару, под руководством которого за короткое время на всех улицах города были выложены тротуары и построены за коммунальные средства крытые ларьки на городском рынке, а также начальникам местных постов полиции²⁰. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в отчетах старост и поветовых врачей отмечалось удовлетворительное санитарное состояние городов Лунинецкого и Коссовского поветов.

Но нередко муниципальные власти по-прежнему не проявляли заинтересованность в санитарных делах, жители не спешили изменять своим привычкам, а энергичных и целеустремленных старост, как в Бресте, не хватало на все горо-

¹⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 90. Л. 113–114.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 34.

²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 114.

да. Например, в годовом отчете за 1931 г. столинский поветовый врач писал, что «привычка жить в грязи, [вера в] знахарство играют не последнюю роль, с одной стороны, в расширении заразных заболеваний, с другой, в сохранении антисанитарного состояния. Несмотря ни на постоянные напоминания, ни на наказания, налагаемые на отдельных жителей, до сих пор при домах не устроены туалеты, не все колодцы соответствуют гигиене. Вера в знахарство в высокой степени затрудняет борьбу с заразными болезнями, так как благодаря ей просто невозможна регистрация повсеместно распространенных заболеваний». В Столине были замощены лишь две улицы, в Давид-Городке – ни одной²¹. Вину за неблагоустроенность поветовый врач возложил на бургомистров и магистраты, а также посты государственной полиции, не предпринимавшие действенных мер для наведения порядка в городах²². В конце 1929 г. местные власти сообщали о достигнутых в Пинске и Логишине успехах в области санитарии: количество отремонтированных домов здесь за два года увеличилось с 1100 до 2700, накрытых урн было соответственно 1800 и 3900, туалетов, построенных в соответствии с санитарными требованиями, – 1950 и 4000²³. Однако воеводская инспекция коммунальных органов Пинска в октябре 1930 г. отразила совсем другую картину: городское хозяйство находилось в упадке, «задания гмины по профилактике болезней, поддержанию соответствующего санитарного состояния... были полностью запущены». Например, за период с 1927 г. муниципальные власти построили лишь один колодец, работы по мощению улиц продвинулись вперед лишь в предшествовавшие инспекции несколько месяцев, что в значительной мере объяснялось утверждением МВД решения городского совета о переносе стоимости содержания улиц на владельцев прилегающих домов²⁴.

Таким образом, если в начале 1920-х гг. уровень санитарии и благоустроенности во всех городах региона был критически низким, то к концу 1920-х – началу 1930-х гг. между ними сложились заметные различия, что зависело, в первую очередь, от эффективности действий местных органов власти. В целом, достигнутые результаты в большинстве случаев были ограниченными и не означали качественных перемен.

Г. Рудинский, врач из Вильно, председатель воеводской секции Виленского врачебного товарищества, впоследствии возглавивший отдел здравоохранения Виленской воеводской управы, в 1932 г. опубликовал обширную статью на тему состояния здравоохранения в Виленском воеводстве. По его мнению, проводимая с 1927 г. «энергичная акция принудительного упорядочения страны в целом дала очень заметные результаты». Усилиями государственных властей и

²¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 90. Л. 111.

²² Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 156.

²³ Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 104.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 14, 16–17, 22.

органов самоуправления общий вид и благоустроенность населенных пунктов воеводства изменились до неузнаваемости: частные имения были упорядочены, улицы в городах вымощены и высажены деревьями, жители начали соблюдать гигиенические предписания относительно содержания колодцев, устранения нечистот и др. В то же время Рудинский уточнял, что из городов воеводства, не считая Вильно, высоким уровнем благоустроенности отличались поветовые центры Вилейка и Поставы. Остальные же города представляли собой преимущественно тесные, неправильно застроенные поселения с недостаточным озеленением. «В своем теперешнем виде они не имеют никаких условий для того, чтобы их можно было привести в соответствующее санитарное состояние», – свидетельствовал автор, противореча собственной общей позитивной оценке. В качестве примера он привел Глубокое, насчитывавшее 6 тыс. жителей, зажатое между двумя озерами, с узкими улицами и грязными дворами. Жители сливали нечистоты в озера, которые одновременно служили им основным источником воды, из-за чего в городе постоянно свирепствовала эпидемия брюшного тифа²⁵. Для решения проблемы требовалось строительство водопровода, на что у властей Глубокого не было денег. В связи с масштабом эпидемии департаментом службы здоровья МВД с конца 1920-х гг. обсуждалась возможность финансирования строительства водопровода из собственных средств – при условии, что магистрат за городские деньги подготовит соответствующий план. Но даже выполнение этого условия превышало финансовые возможности города²⁶.

Оптимизм Рудинского совершенно не разделял Д. Кезевич, санитарный врач в Барановичах, который в 1931 г. на съезде представителей городов Виленского и Новогрудского воеводств выступил с содержательным докладом на тему их санитарных проблем. Этот доклад был высоко оценен редакцией журнала «Городское самоуправление», центрального органа Союза польских городов, и опубликован в нем. «Более половины городских улиц не вымощены. Озеленение слабое. Исследования колодцев показывают значительное загрязнение; очень высокая смертность детей до года; туберкулез ежегодно собирает богатый урожай», – свидетельствовал Кезевич. Немощенные улицы часто представляли собой болота, делавшие невозможным проезд, куда жители сливали отходы и выкидывали мусор. Высаженные в городах деревья обычно уничтожались детьми, не осознававшими их значение. Многочисленные предписания городских властей и санитарные инспекции частных владений и предприятий позволяли улучшить положение дел только в определенной степени. По мнению Кезевича, упорядочению городов препятствовали два фактора: «первое –

²⁵ Rudziński H. Zdrowotność publiczna na Wileńszczyźnie // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1932. № 4–5. Pp. 228, 269, 277.

²⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 284. Л. 22.

психология населения, его воспитание и привычки, второе – тяжелое материальное положение жителей. Население под давлением администрации и санитарного контроля устанавливает требуемые санитарные сооружения (туалеты и урны. – *А.Д.*), но достаточно часто не пользуется ими, а иногда даже предохраняет от загрязнения... Жители избегают расходов на ассенизацию и любыми способами делают скрытые выгребные ямы, подкопы, разные другие запрещенные санитарным надзором приспособления и операции, вплоть до стоков во владения своего податливого соседа». Кезевич справедливо считал, что в этой ситуации эффект могло принести только гигиеническое просвещение посредством школы: «Это долгий, но надежный путь»²⁷.

Действительно, улучшения, достигнутые под давлением государственных властей, часто были недолговечными. Выполнение обязанностей в сфере санитарии и благоустройства было обременительным для горожан, которые, во многих случаях живя в крайней бедности и не придавая большого значения вопросам гигиены, готовы были следовать соответствующим предписаниям только под принуждением. Но любое ослабление контроля быстро вело к утрате достижений. Так произошло в 1930 г. после начала экономического кризиса, резко ограничившего и без того небольшие возможности местных сообществ по улучшению собственных условий жизни. Согласно письму Крахельского, направленному старостам в августе 1930 г., проведенные инспекции показали, что «во многих случаях интенсивность акции по благоустройству в сравнении с предыдущими годами значительно ослабла. Частные дворы как в городах, так и местечках и деревнях содержатся грязно, улицы не подметаются или подметаются очень редко и неаккуратно, в мясных лавках, продовольственных магазинах и ресторанах – грязь и неряшливость... ремонт домов и упорядочение владений с прошлого года практически не ведется». Судя по всему, пример с брестским старостой Ф. Бараном впечатлил воеводу, поручая лично контролировать санитарные дела, Крахельский утверждал: «В тех поветах, где староста проявляет личную заинтересованность в деле упорядочения населенных пунктов, результат всегда успешный»²⁸.

В 1930-е гг. финансовые трудности толкали городские власти при проведении благоустроительных работ все более активно использовать шарварк, в рамках которого каждый трудоспособный житель ежегодно должен был безвозмездно отработать определенное количество дней на коммунальных работах. По своему желанию жители могли заменить натуральную отработку выплатой установленных денежных сумм. На фоне критического состояния финансов са-

²⁷ *Kieziwicz D. Zagadnienie sanitarne miast wschodnich // Samorząd miejski. 1931. № 16–17. Pp. 904, 906–907, 909.*

²⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 55. Л. 5.

моуправления шарварок для большинства мелких городов стал основным средством, позволявшим муниципальным властям при минимальных расходах со стороны городских бюджетов силами самих жителей вести какие бы то ни было работы. С другой стороны, он означал дополнительное бремя для горожан, возложение на них все больших обязанностей по благоустройству было одним из свидетельств низкой эффективности работы муниципальных органов. В крупных городах региона в середине – второй половине 1930-х гг. проблемы в сфере благоустройства в значительной степени решались с помощью общественных работ для безработных, организованных за счет кредитов и государственных дотаций.

Основное внимание уделялось мощению улиц. Так, за межвоенные годы в городах Пружанского повета было вымощено 12,5 км дорог, стоимость этих работ равнялась почти 270 тыс. злотых. 21,5 тыс. злотых из данной суммы составили государственные дотации, остальное пришлось на собственные средства самоуправления. Другие работы по благоустройству включали строительство городского рынка в Березе за 2 тыс. злотых, в Пружанах на обустройство рынка, общественных туалетов и 28 трубчатых колодцев, обеспечивших город достаточным количеством чистой воды, муниципальные власти израсходовали примерно 22 тыс. злотых²⁹.

Как явствует из отчета коммунальных властей Бреста за 20-летний период своей деятельности, к 1939 г. ими было вымощено 24 км дорог, или 29 % от их общей длины. Для сравнения, 30 км дорог были вымощены до Первой мировой войны, примерно столько же оставались немощеными. За межвоенный период бетонной плиткой было выложено 42 тыс. кв. м. тротуаров. Для контроля за качеством продуктов питания в 1932 г. городские власти открыли пищевую лабораторию с бактериологическим отделом, услугами которой пользовались все города Полесского воеводства. Кроме того, к концу 1930-х гг. во всех владениях города были установлены туалеты и урны³⁰. Продолжалась работа по озеленению. Например, в 1936 г. управление Бреста провело конкурс среди жителей на лучшее украшение цветочными растениями окон, балконов и садов, победители которого получили денежные вознаграждения. Тогда же было принято решение объявить благодарность городскому садовнику за содержание на высоком художественном уровне двух городских парков, обустроенных в 1920-е гг.³¹ За межвоенные годы в городе было высажено более 15 тыс. деревьев³².

²⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 16, 23.

³⁰ Там же. Д. 1022. Л. 32, 33, 39.

³¹ Samorząd miejski. 1936. № 16–17. P. 1101.

³² ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 33.

Как и прежде, результативность усилий городских органов зависела, прежде всего, от возглавлявших их людей, способности последних эффективно организовать натуральные отработки жителей и использовать скудные городские средства. Там, где назначенные в 1930-е гг. воеводами и старостами бургомистры оказывались умелыми руководителями, удавалось заметно улучшить состояние дел. Одним из примеров служит деятельность Грациана Лапчинского, ротмистра в отставке, назначенного в начале 1930-х гг. бургомистром Высоко-Литовска. По сообщению официальной брестской газеты «Express Poleski», его энергия и организаторские способности привели к заметным успехам в повышении уровня благоустроенности города: впервые за межвоенный период были замощены практически все улицы, выложены тротуары, разбиты скверы, открыты спортивная площадка, пляж, отремонтированы частные дома и т.д. Все это было сделано с помощью шарварка без каких-либо существенных расходов со стороны городского бюджета³³. Информация газеты подтверждается рапортом брестского старосты, направленным полесскому воеводе в 1934 г., где также указано, что благодаря Лапчинскому кардинально изменилось санитарное состояние и внешний вид Высокого. Это, по мнению старосты, в значительной степени способствовало поднятию авторитета польской власти среди жителей города³⁴.

Однако в большинстве западнобелорусских городов власти не смогли добиться значительных результатов в поднятии уровня благоустроенности и санитарии, свидетельства 1930-х гг. в целом рисуют неблагоприятную картину. К примеру, в Пинске к концу 1930-х гг. было вымощено 37 % городских улиц, насчитывался 41 общественный артезианский колодец, из них 24 были построены в межвоенное 20-летие³⁵. В Лиде в конце 1930-х гг. были вымощены 36 % дорог, из почти 1000 колодцев трубчатыми были 17³⁶. В Столине в середине 1930-х гг. была лишь одна вымощенная улица, в Давид-Городке – ни одной³⁷.

Судя по отчету брестского староства за 1935 г., в Бресте примитивные и переполненные нечистотами и мусором туалеты и урны в частных владениях часто не соответствовали своему предназначению. Служба ассенизации была отдана частным предпринимателям, которые отказывались вывозить нечистоты на отведенные для этого отдаленные поля и, несмотря на штрафы, выливали их в пределах города на территории бесхозных владений и городского парка. К середине 1930-х гг. в Бресте не было общественной бани, действовала лишь одна

³³ Express Poleski. 1933. № 264. p. 4; Ibid. 1934. 22 sierpnia. P. 4.

³⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3505. Л. 13.

³⁵ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 6, 9.

³⁶ *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. / рэдкал.: Я.А. Роўба і інш. Гродна, 2010. С. 181–188.

³⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 151. Л. 31.

небольшая еврейская миква и большинство жителей воеводского центра были лишены возможности поддерживать личную гигиену³⁸. Разведение жителями лошадей и крупного рогатого скота в своих владениях даже в центральной части города делало затруднительным поддержание чистоты на улицах³⁹. По свидетельству брестского поветового врача О. Ансельма, предпринятые в 1929 г. усилия по улучшению санитарного состояния Бреста были продолжены городскими властями, но из-за ненадлежащего исполнения и нехватки санитарного персонала им вновь не удалось добиться значимых результатов. В 1932 г. государственной администрации в очередной раз пришлось взять под свой контроль вопросы санитарии в городе, определив из числа служащих староства и магистрата «санитарных опекунов», призванных совместно с представителями полиции совершать инспекции частных владений, заставляя горожан выполнять соответствующие предписания⁴⁰. В 1935 г. заместитель брестского старосты Ф. Усаевич предлагал перепоручить назад городским властям в Бресте законодательно закрепленные за ними обязанности по контролю над санитарным состоянием города⁴¹.

Отмеченные выше значительные успехи в благоустройстве Пружан и Березы, о которых рапортовали местные власти, были очевидны далеко не всем. Инспекции, проведенные в 1933 г. пружанским старостой Лисовским в Березе и воеводским инспектором коммунальных органов Хмелевским в Пружанах, выявили запущенное состояние улиц, «большую грязь и беспорядок»⁴². В прилагавшемся к протоколу инспекции сообщении анонимного информатора указывалось, что жители Пружан, в первую очередь христиане, возмущены несправедливым распределением шарварка, который «...указывают отрабатывать на улицах, прилегающих к рынку, где живут евреи, тогда как улицы, где живут христиане, залиты водой, экскрементами и грязью. Например, ул. Домбровского ... перейти абсолютно невозможно и дети из-за большой грязи не ходят в школу, но, несмотря на частое упоминание об этом местному бургомистру, уже третий год проходит, а люди как тонули, так и дальше тонут, и как гнили коты, псы и другая падаль в канавах, так и дальше гниют, но... бургомистр пренебрегает здоровьем местного населения, что можно сделать хозяйственным способом без каких-либо расходов...»⁴³. В это же время один из жителей Березы направил обращение в адрес МВД, в котором жаловался на засилье евреев в городских органах. В соответствии с этим свидетельством, заместитель бургоми-

³⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 60. Л. 2, 4.

³⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1205. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Оп. 5. Д. 151. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Д. 60. Л. 2.

⁴² Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 43, 93–94.

⁴³ Там же. Л. 110.

стра Н. Закхайм, «местный царь и бог», при всякой возможности притеснял христиан, в частности, замощенные улицы располагались преимущественно в еврейской части города, а «на остальных улицах можно было топить собак». Недовольство действиями органов самоуправления вылилось в просьбу заменить их комиссаром, который «держал бы всю власть в своих руках, и тогда был бы порядок в нашем городе»⁴⁴. Хотя анонимным свидетельствам безоговорочно верить нельзя, но они отражали, по крайней мере, настроение части городских жителей.

По мнению начальника отдела самоуправления Новогрудской воеводской управы Ц. Галасевича, за период польской власти в городах Новогрудского воеводства в направлении улучшения санитарии и благоустройства было сделано многое, но еще больше оставалось сделать. По-прежнему было недостаточным снабжение чистой водой, остро чувствовалась нехватка бань и купален, «грязь и нечистоплотность безраздельно господствуют в большом количестве наших городов и местечек». Более важным по сравнению с капиталовложениями в развитие городов со стороны государства и самоуправления Галасевич считал просвещение жителей, призванное вырвать их «из пассивности и апатии, побудить частную инициативу и возбудить желание жить в культурных условиях»⁴⁵.

На самом деле, за антисанитарным состоянием западнобелорусских городов по-прежнему стояло неосознание местными жителями необходимости следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям. Например, в 1937 г. в годовом отчете брестского поветового староства объяснялось, почему строительство на Полесье бетонных колодцев взамен деревянных не вело к улучшению качества воды. Дело в том, что в силу своих привычек и предубеждений местные жители не верили доводам о том, что очищенная более глубокими слоями земли вода попадет в колодец через его дно, и поэтому оставляли отступы между бетонными кольцами, что не предохраняло от загрязнения и делало подобное строительство бесполезным⁴⁶. Запланированные в 1930 г. в Пружанах две публичные лекции отдельно для христианского и еврейского населения на тему санитарного просвещения не состоялись, поскольку среди горожан не нашлось желающих их послушать⁴⁷.

⁴⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 37. Л. 196–197.

⁴⁵ *Galasiewicz C. Potrzeby inwestycyjne miast i miasteczek ziemi Nowogródzkiej // Samorząd miejski. 1936. №16–17, pp. 1027–1028; Ibid. Ziemia nowogródzka. Najpilniejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936. Pp. 38, 48–49.*

⁴⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Д. 43. Л. 73.

Заклучение

Таким образом, уровень благоустройства и санитарное состояние западно-белорусских городов на протяжении 1920–1930-х гг. оставались критически низкими, а улучшению положения дел в этой сфере препятствовал целый спектр факторов: финансовые трудности местных органов власти, недооценка вопросов санитарии муниципальными служащими, пренебрежение нормами гигиены со стороны жителей.

Список литературы

1. *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. / рэдкал.: Я.А. Роўба і інш. Гродна, 2010. С. 181–188.
2. *Galasiewicz C.* Potrzeby inwestycyjne miast i miasteczek ziemi Nowogródzkiej // Samorząd miejski. 1936. №16–17. Pp. 1027–1028.
3. *Galasiewicz C.* Ziemia nowogródzka. Najpilniejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936. 389 с.
4. *Kieżewicz D.* Zagadnienie sanitarne miast wschodnich // Samorząd miejski. 1931. №16–17. Pp. 904–909.
5. *Polak J.* Stan higieniczny miast polskich // Samorząd miejski. 1924. T. 3. Pp. 78–86.
6. *Rudziński H.* Zdrowotność publiczna na Wileńszczyźnie // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1932. №4–5. Pp. 217–280.
7. *Barles S.* Urban metabolism and river systems: an historical perspective – Paris and the Seine, 1790–1970 // Hydrology and Earth System Sciences. 2007. № 11. Pp. 1757–1769.
8. *Brimblecombe P., Bowler C.* Air Pollution in York 1850-1900 // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 182–195.
9. *Brimblecombe P., Bowler C.* The Difficulties of Abating Smoke in late Victorian York // Atmospheric Environment. 1990. Vol. 24B. № 1. P. 49–55.
10. *Bruggemeier F.-J.* The Ruhr Basin 1850-1980: A Case of Large-Scale Environmental Pollution // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 210–230.
11. *Cronon W.* Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. NY, London: W.W. Norton & Company, 1991. 530 p.
12. *Diederiks H., Jeurgens C.* Environmental Policy in 19th-Century Leyden // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 167–181.
13. *Douglas I., Hodgson R., Lawson N.* Industry, environment and health through 200 years in Manchester // Ecological Economics. 2002. №41. Pp. 235–255.
14. Environmental Problems in European Cities in the Nineteenth and Twentieth Centuries / ed. by C. Bernhardt. Münster: Waxmann, 2001. 232 p.
15. *Friedgut Theodore H.* Iuzovka and revolution. Princeton: Princeton univ. press, 1989. Vol. 1–2.
16. *Melosi M.V.* Garbage in the Cities: Refuse, Reform, and the Environment. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005. 320 p.

17. *Melosi M.V.* The Place of the City in Environmental History // *Environmental History Review*. 1993. Vol. 17. No. 1. Pp. 1–23.
18. *Melosi M.V.* The Urban Physical Environment and the Historian: Prospects for Research, Teaching and Public Policy // *Journal of American Culture*. 1980. Vol. 3. № 3. Pp. 526–540.
19. *Resources of the City: Contributions to an Environmental History of Modern Europe* / ed. by D. Schott, B. Luckin, G. Massard-Guilbaud. Aldershot: Ashgate, 2005. 285 p.
20. *Schramm E.* Experts in the Smelter Smoke Debate // *The Silent countdown: essays in European environmental history*, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. New York: Springer-Verlag, 1990. Pp. 196–209.
21. *Tarr J.A.* The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh // *Journal of Urban History*. 2002. Vol. 28. №5. Pp. 511–545.